Евгений Варшавер, Ирина Стародубровская

Кто и почему в Дагестане оправдывает насилие? Сравнительный анализ ценностных профилей дагестанских исламских религиозных групп

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-3-202-233

Evgeni A. Varshaver, Irina V. Starodubrovskaya

Who Justifies Violence in Dagestan and Why? A Comparative Analysis of Value Profiles of Muslim Religious Groups in Dagestan

Evgeni A. Varshaver — Center for Regional Research and Urban Studies, RANEPA. (Moscow, Russia) varshavere@gmail.com

Irina V. Starodubrovskaya — Department of Political Economics and Regional Development at the Institute of Economic Policy (Moscow, Russia). irinas@iet.ru

This article describes the results of quantitative value research of the Muslims of Dagestan and outlines the difference between religious groups present in this republic of Russia. It also presents information on the determinants of the justification of violence (in its different forms). According to this analysis, religious groups have certain value profiles. Sufis, for example, value obedience, disapprove of violence, and tend to trust people. Salafis are more conservative in terms of gender, more prone toward justification of violence, and trust people less, while secular Muslims support liberal values and universalism. The analysis of violence justification determinants showed that along with gender, age, and strength of religiosity, the factors that influence this phenomenon are participation in Salafi social circles and level of happiness, security, and trust. Each of these factors relates to the explanation of various forms of violence justification differently.

Keywords: Islam, values, violence, Dagestan, internet survey.

Варшавер Е., Стародубровская И. Кто и почему в Дагестане оправдывает насилие? Сравнительный анализ ценностных профилей дагестанских исламских религиозных групп // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 202–233.

Varshaver, Evgeni, Starodubrovskaya, Irina (2017) "Who Justifies Violence in Dagestan and Why? A Comparative Analysis of Value Profiles of Muslim Religious Groups in Dagestan", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 35(3): 202–233.

Введение

В КАКОЙ степени религиозная принадлежность и религиозные установки связаны с ценностями и жизненными ориентирами человека? Почему одни люди склонны оправдывать насилие, а другие — нет? В рамках данной статьи поиск ответов на эти вопросы осуществляется на материале количественного исследования ценностей дагестанцев, проведенного коллективом исследователей в 2016 году[1]. В фокусе статьи два вопроса: чем отличаются ценности и установки дагестанцев, принадлежащих к разным внутриисламским суннитским религиозным группам, сложившимся в Дагестане, а также как связана принадлежность к этим группам с установкой на оправдание насилия и как соотносятся между собой разные факторы в объяснении этой установки. Аналитическая часть статьи, таким образом, разделена на две части: в первой исследуется общий ценностный профиль религиозных групп и выявляются основные различия, во второй — в исследовательский фокус помещается установка на оправдание насилия и демонстрируется, с какими факторами эта установка связана. Предваряет аналитическую часть подробное описание дизайна опроса и методологии выделения религиозных групп.

Большие сравнительные исследования ценностей появились в последней трети XX века[2] и фокусировались в первую очередь на различиях между культурными ареалами[3]. Параллельно с этим — на эмпирическом материале международных опросов — развивалась традиция поколенческого и когортного анализа[4], в рамках которого в фокус помещались различия между поколен-

1. Исследование проводилось И. Стародубровской, Е. Варшавером и Е. Лазаревым.
2. Rokeach, M. (1973) *The Nature of Human Values*. Free press; Schwartz, S.H. (1992) "Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries", *Advances in Experimental Social Psychology* 25: 1–65; Hofstede, G.H. (1984) *Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values*. Sage; Inglehart, R. (2015) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton University Press.
3. Inglehart, R., Baker, W.E. (2000) "Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values", *American Sociological Review* 65(1): 19–51; Inglehart, R., Welzel, C. (2010) The WVS Cultural Map of the World, *World Values Survey* [http://www.worldvaluessurvey.org/wvs/articles/folder_published/article_base_54, accessed on 30.08.2017].
4. Glenn, N.D. (2005) *Cohort analysis*. Vol. 5. Sage.

ческими группами внутри обществ и между обществами[5]. Анализ различий между прочими группами был гораздо менее развит, а религиозные различия оказывались предметом исследований либо в случае поликонфессиональности тех или иных обществ[6], либо в рамках больших сравнений, где культуры выделялись по принципу религии, лежащей в их базисе[7]. Редкие попытки предпринимались для исследования внутриконфессиональной дифференциации, для ислама ограничиваясь констатацией и изучением ценностных различий суннитов и шиитов в странах, где они присутствуют одновременно[8], или между странами[9]. Попытки проследить ценностную разницу между группами внутри основных ветвей ислама, насколько нам известно, не предпринимались.

Насилие в разных формах является одной из ключевых тем социальных наук[10]. Спектр тематик исследований варьируется от войн[11] до домашнего насилия[12]. Насилие также стало темой для работ в рамках ценностных исследований[13] — вопрос про оправдание насилия в тех или иных формах был включен в опросники больших исследований[14], а тексты о его детерминантах появились как применительно к явлению в целом[15], так и применительно

5. Inglehart, R.F. (2008) "Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006", *West European Politics* 31(1–2): 130–146.
6. Allinsmith, B. (1948) "Religious Affiliation and Politico-Economic Attitude: A Study of Eight Major US Religious Groups", *Public Opinion Quarterly* 12(3): 377–389.
7. Parboteeah, K.P., Paik, Y., Cullen, J.B. (2009) "Religious Groups and Work Values: A Focus on Buddhism, Christianity, Hinduism, and Islam", *International Journal of Cross Cultural Management* 9(1): 51–67.
8. Verkuyten, M., Yildiz, A.A. (2009) "Muslim Immigrants and Religious Group Feelings: Self-Identification and Attitudes among Sunni and Alevi Turkish-Dutch", *Ethnic and Racial Studies* 32(7): 1121–1142.
9. Robertson, C.J., et al. (2001) "Beliefs about Work in the Middle East and the Convergence versus Divergence of Values", *Journal of World Business* 36(3): 223–244.
10. Walby, S. (2013) "Violence and Society: Introduction to an Emerging Field of Sociology", *Current Sociology* 61(2): 95–111.
11. Malešević, S. (2010) *The Sociology of War and Violence*. Cambridge University Press.
12. Kishor, S., Johnson, K. (2004) *Profiling Domestic Violence: A Multi-Country Study*. ORC Macro.
13. Karstedt, S. (2006) "Democracy, Values, and Violence: Paradoxes, Tensions, and Comparative Advantages of Liberal Inclusion", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 605(1): 50–81.
14. "WVS Wave 6 (2010–2014)", *World Values Survey* [http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp?CMSID=Documentation , доступ от 01.09.2017]
15. Asal, V., Brown, M. (2010) "A Cross-National Exploration of the Conditions that Produce Interpersonal Violence", *Politics & Policy* 38(2): 175–192.

к тем или иным странам и культурам[16]. Вместе с тем, поскольку количественные исследования внутрирелигиозных ценностных различий редки, на основании таких исследований о влиянии принадлежности к тем или иным течениям внутри религии на установки, связанные с насилием, известно мало. Статья, таким образом, вносит свою лепту в исследования внутрирелигиозных ценностных различий в исламе и в исследования детерминант установок на насилие.

Религиозная ситуация в Дагестане

Дагестан — одна из самых исламизированных республик на Северном Кавказе, имеющая наиболее глубокие исламские корни. С конца 1980-х годов республика переживала бурный процесс исламского возрождения: роста числа практикующих мусульман, открытия мечетей и исламских учебных заведений, появления популярных проповедников, массового выезда молодых людей на учебу в зарубежные исламские университеты. Все это сопровождалось серьезной дифференциацией исламских религиозных взглядов, появлением новых для республики течений и групп, в том числе радикального толка. На радикализацию мусульман серьезное влияние оказала война в Чечне, которую боевики в 1999 году попытались перенести на территорию Дагестана. Эта попытка не удалась. Но до последнего времени масштабы религиозно мотивированного насилия в республике были велики, существовало достаточно массовое вооруженное подполье.

Если рассматривать ситуацию в исламской сфере на момент проведения опроса, то можно констатировать, что она характеризовалась существенной дифференциацией и фрагментацией. Попытаемся охарактеризовать основные «линии разлома».

На момент краха СССР традиционным исламом в Дагестане можно было считать суфизм[17]. Суфизм в Дагестане не всегда был консервативен — в прошлом именно суфии часто выступали носителями стремления к переменам, к более полному внедрению шариата в повседневную жизнь, были в авангарде национально-

16. Koenig, M.A., et al. (2006) “Individual and Contextual Determinants of Domestic Violence in North India”, *American Journal of Public Health* 96(1): 132–138.

17. Суфизм — это мистическое направление в исламе, в рамках которого верующие объединяются в суфийские ордена (тарикаты) вокруг шейхов, последователи которых (мюриды) должны беспрекословно подчиняться своим наставникам. В Дагестане суфизм в основном представлен тарикатами накшбандия и шазилия.

освободительной борьбы против Российской империи. Однако в советское время, когда многие исламские ученые были репрессированы, и Дагестан оказался оторван от основных центров исламской мысли, существовавший в подполье суфийский ислам фактически превратился в традиционный, народный ислам, переплетаясь с традициями и обычаями, не имевшими отношения к исламской доктрине.

В постсоветское время довольно быстро одна из ветвей суфизма — последователи шейха Саида Чиркейского, аварца — стала практически полностью контролировать Духовное управление (муфтият), фактически являющееся официальным, встроенным в структуру власти представительством мусульман Дагестана. Именно она стала представлять так называемый «официальный ислам» в республике. При этом в Дагестане существует достаточно много других шейхов. Так, известные представители суфизма, взгляды которых существенно отличались от позиции муфтията, до недавнего времени были среди кумыков. Часть шейхов не признает друг друга и обвиняет своих оппонентов в том, что они являются лже-шейхами. Есть также сообщества, которые почитают умерших шейхов, у которых не было преемников.

Если говорить о взглядах представителей этого, достаточно разнообразного направления, то можно сказать, что они очень неоднородны. Среди принадлежащих к нему верующих есть истово соблюдающие мусульмане, которые накладывают на себя серьезные дополнительные религиозные обязательства по сравнению с минимально необходимыми, а есть люди, для которых принадлежность к тарикату — во многом просто дань традиции. В целом считается, что суфии достаточно миролюбивы и вписаны в существующее светское общество. Однако в Дагестане все более явно видно, что среди суфиев выделяется радикальное крыло, достаточно агрессивное и готовое на насильственные действия против своих оппонентов.

Сами эти оппоненты пока не получили общепринятого наименования. Их называют ваххабитами, салафитами, фундаменталистами, а в противовес более традиционному суфийскому исламу — нетрадиционными мусульманами. Обычно считается, что эта идеология пришла в Дагестан с арабского Востока. В определенной мере это так. Однако у нее есть и внутренние корни. До революции 1917 г. в Дагестане были представители подобных взглядов, среди них — достаточно известные ученые. В то же время распространение знаний из центров исламской мысли на ее

периферию — также достаточно естественный процесс, возникший сразу после того, как пал «железный занавес».

Собственно, основная идея, объединяющая это направление — это отстаивание «чистого» ислама, освобождение его от традиционных напластований, возвращение к тому, что написано в священных книгах — в Коране и Сунне. В отличие от суфиев, это направление не признает власти шейхов как «промежуточной инстанции» между Аллахом и верующими, поощряет самостоятельное чтение первоисточников. Также создается впечатление, что в целом его представители более критично относятся к светскому государству и готовы открыто выражать свой протест в различных формах. За пределами этих общих характеристик начинаются различия, которые еще более многочисленны и разноплановы, чем у более традиционных и дисциплинированных суфиев.

Если говорить о религиозных взглядах, более умеренные представители данного направления признают четыре суннитские правовые школы — мазхабы, более радикальные (безмазхабники) вообще отрицают мазхабы и настаивают на обращении непосредственно к Корану и Сунне. Причем некоторые стремятся опираться на мнения исламских ученых, другие же считают возможным каждому верующему самостоятельно трактовать священные тексты. При этом очевидно, что в священных текстах также ищут (и находят) разное. Кто-то — ценность знания, здорового образа жизни, уважения к людям, безусловного выполнения договорных обязательств. Кто-то — оправдание насилия, гендерного неравенства, превосходства мусульман над немусульманами. Причем часто эти две группы ценностей — условно говоря, модернистская и архаичная — переплетаются самым причудливым образом.

Если говорить об участии в общественной жизни, то часть стремится вообще от нее дистанцироваться в «государстве неверных»; часть встраивается в мирное протестное поле, занимается правозащитной и гражданской деятельностью. Наиболее радикальные выступают за вооруженный джихад против российского государства. Соответственно, серьезные дискуссии среди разных групп возникают по поводу участия в выборах, а также в политике в целом, встраивания в различные направления гражданской активности (например, в городской активизм). Различаются и взгляды на участие в исламском призыве — активном привлечении людей к исламу, — хотя создается впечатление, что нетра-

диционные мусульмане в большей мере воспринимают это как свою обязанность, чем суфии. Определенная часть мусульман занимается различными видами исламской общественной активности — благотворительностью, организацией детских исламских праздников и т. п.

Более актуальным, чем для традиционного ислама, для представителей этого направления являются вопросы введения шариата, установления халифата. Однако это не означает, что все они готовы делать это сегодня-завтра. Такова позиция радикалов — тех, кто признает возможность бороться за халифат насильственным путем. Что касается умеренных, то для них халифат — это скорее социальный идеал, который будет достигнут в далеком, неопределенном будущем, когда все мусульмане будут готовы к тому, чтобы следовать законам Всевышнего. К повседневной жизни это стремление не имеет прямого отношения.

Суфии и салафиты (нетрадиционные мусульмане) — это те группы, которые наиболее ярко видны в исламском поле республики. Однако значительная масса верующих не придерживается ни одного из этих достаточно жестко идеологизированных направлений. Они позиционируют себя как просто молящиеся, практикующие, хотя по факту могут оказываться ближе либо к одному, либо к другому крылу. Наконец, есть те, кто относит себя к этническим мусульманам, мусульманам «по рождению», хотя и не исполняет предусмотренные религией ритуалы и ограничения.

Можно ли как-то упорядочить, классифицировать это столь многообразное и дифференцированное религиозное идеологическое пространство? Сказываются ли религиозные различия на ценностях людей в повседневной жизни? Попытка ответить на эти вопросы была сделана в рамках количественного исследования о ценностях мусульман Дагестана, проведенного в 2016 году.

Методология исследования

Опрос мусульман Дагестана был осуществлен через интернет, в основном методом таргетинга в социальной сети Фейсбук. Анкета была помещена на портал www.surveymonkey.com. В опросе приняло участие 3105 респондентов, из них 1675 заполнили анкету полностью, и именно эти респонденты были включены в финальный массив данных. Метод таргетинга является новым

методом в социальных исследованиях и лишь в данный момент входит в научный оборот[18]. В целом, процедуры, с ним связанные, подразумевают, что ссылка на страницу опроса демонстрируется тем или иным группам пользователей социальных сетей в качестве рекламы. Пользователи видят ссылку и имеют возможность перейти на страницу опроса (см. рис. 1).

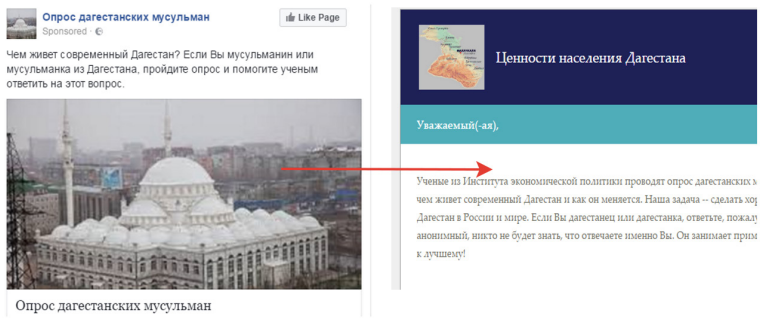


Рис. 1. Схема опроса методом таргетинга в соцсетях (скрины страницы в фейсбуке и на сайте www.surveymonkey.com)

Исследование в соответствии с этим методом, а также характеристиками выборочных совокупностей (в частности, репрезентативности), которые складываются в результате его использования, как в России, так и за рубежом, находится в процессе осуществления, поэтому на данный момент этот метод выборки следует отнести к стихийным неслучайным выборочным методам. Следовательно, массив, собранный в рамках данного исследования, не претендует на репрезентацию население Дагестана. Основные социально-демографические показатели выборки таковы: 70% мужчин и 30% женщин; 73% имеют высшее образование, 14% — среднее специальное, 11% — среднее и 2% не имеют законченного среднего образования; средний возраст участников опроса 40 лет. Сравнивая эти распределения с данными официальной статисти-

18. Arcia, A. (2014) "Facebook Advertisements for Inexpensive Participant Recruitment among Women in Early Pregnancy", *Health Education & Behavior* 41(3): 237–241; Head, B.F., et al. (2016) "Advertising for Cognitive Interviews: a Comparison of Facebook, Craigslist, and Snowball Recruiting", *Social Science Computer Review* 34(3): 360–377; Pötzschke, S., Braun, M. (2016) "Migrant Sampling Using Facebook Advertisements: a Case Study of Polish Migrants in Four European Countries", *Social Science Computer Review* 1–21.

ки[19] и репрезентативных исследований[20], можно заключить, что в выборке недопредставлены женщины, молодежь и дагестанцы без высшего образования. Вместе с этим, исследование в первую очередь фокусируется на связи между переменными, в результате чего требования к репрезентативности выборки относительно населения Дагестана несколько снижаются.

В то же время возникает вопрос, насколько репрезентативность выборки по населению Дагестана в целом в принципе адекватна задачам исследования. Ведь речь идет о дагестанских мусульманах, а здесь характеристики генеральной совокупности могут быть другими. Кроме того, в опросе участвовали и дагестанцы, проживающие в других регионах, которые относят себя к мусульманам. Что касается возможного сдвига в результатах, связанного с использованием социальных сетей, то его можно оценить следующим образом. С одной стороны, можно предположить, что более образованные и использующие информационные технологии мусульмане как более рефлексивно отражают, так и транслируют своим последователям ту систему ценностей, которая была выявлена в рамках опроса. С другой стороны, судя по всему, в опрос могли не попасть определенные группы мусульман — наиболее закрытые, архаичные, из люмпенизированных слоев. Однако не очевидно, что в силу их специфики они были бы представлены и в опросе, репрезентативном по населению республики в целом. Здесь более подходят качественные методы исследования. Необходимо также отметить, что предварительная диагностика показала — дагестанские мусульмане наиболее полно представлены именно в социальной сети Фейсбук, поэтому основной акцент на эту сеть представляется оправданным.

Исследовательский инструмент — анкета — был посвящен ценностям и установкам и частично базировался на международных ценностных исследованиях — Всемирном исследовании ценностей[21] и Европейском исследовании ценностей[22]. Некоторые

19. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. Федеральная служба государственной статистики [http://dagstat.gks.ru/, доступ от 01.09.2017].

20. Евробарометр. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации [http://www.ranepa.ru/uceniyy-issledov/strategii-i-doklady-2/evrobarometr , доступ от 01.09.2017].

21. World Values Survey [http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp, доступ от 01.09.2017].

22. European Values Study [http://www.europeanvaluesstudy.eu/ , доступ от 01.09.2017].

вопросы дословно воспроизводили вопросы из этих исследований, однако большая их часть была разработана специально для представленного здесь исследования — с учетом специфики поля. Формулировки вопросов обсуждались непосредственно с дагестанскими мусульманами. Так, на заключительном этапе подготовки анкеты она была разослана 12 представителям различных исламских течений, от 10 из них были получены замечания и комментарии, многие из которых были учтены.

Методологической особенностью этого инструмента в сравнении с анкетами больших международных исследований было использование так называемых виньеток[23]. Виньетки — это особого типа вопросы, в которых респонденту описывается некоторая ситуация и предлагается определить свое отношение к этой ситуации, дать совет ее участникам или предположить, как бы он вел себя в таких обстоятельствах. Например, респондентам был предложен следующий вопрос: «Сын Гаджи погиб в ДТП, виновником которого был Омар — сын крупного чиновника, управлявший автомобилем в нетрезвом состоянии. Однако, несмотря на наличие доказательств, суд оправдал Омара. После этого Гаджи устроил самосуд и застрелил Омара. Как Вы относитесь к поступку Гаджи?» Варианты ответа были следующие: полностью одобряю, скорее одобряю, скорее не одобряю, полностью не одобряю, затрудняюсь ответить. Если ответы на вопросы отражают в первую очередь декларативную позицию респондента, виньетки позволяют в большей мере понять, на какие ценности ориентируется респондент в своих практических действиях.

Как обычные вопросы, так и виньетки были призваны определить ценности и установки респондентов, связанные с поколенческими иерархиями и гендерными вопросами, неформальными отношениями в обществе и желаемым политическим устройством, наукой и религией, образованием и насилием, а также с другими явлениями. Наряду с ценностными вопросами, респонденты должны были ответить на вопросы социально-демографического блока, а также вопросы, призванные описать их отношение к религии в целом, их участие в религиозных практиках и ритуалах, их отношение к некоторым внутрирелигиозным проблемам,

23. Alexander, C.S., Becker, H.J. (1978) “The Use of Vignettes in Survey Research”, *Public Opinion Quarterly* 42(1): 93–104; *Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г.* Метод виньеток в социологических исследованиях: методологические принципы и методические решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. №. 4.

по которым в исламе нет консенсуса. На основании этих вопросов были выделены четыре группы респондентов. Условно они были названы суфии, нетрадиционные, секулярные и традиционные. При их выделении использовались следующие критерии:

- суфии — делают намаз и принадлежат к тарикату (суфийскому братству);
- нетрадиционные — делают намаз, но не участвуют в мавлидах и не принадлежат к тарикату;
- секулярные — не делают намаз (обязательную для мусульман пятикратную молитву);
- традиционные — делают намаз, участвуют в мавлидах[24], но не принадлежат к тарикату.

Таблица 1. Выделение групп респондентов по религиозному признаку

	Суфии	Нетрадиционные	Секулярные	Традиционные
Намаз	Да	Да	Нет	Да
Принадлежность к тарикату	Да	Нет	Не учит.	Нет
Участие в мавлидах	Не учит.	Нет	Не учит.	Да
N (%)	455 (27%)	365 (22%)	367 (22%)	470 (28%)

Кратко поясним неочевидные термины и критерии выбора. Секулярными мы назвали тех, кто не исполняет ежедневную пятикратную молитву (намаз) — основной столп ислама. Таких людей нельзя отнести к практикующим мусульманам. Остальные три группы (делающие намаз всегда или иногда) относятся к практикующим мусульманам, однако различаются 1) по формальной принадлежности к суфийскому братству (тарикату); 2) по участию в практиках, не зафиксированных в Коране и Сунне (в мавлидах). Использование подобных критериев для выделения групп обсу-

24. Ритуальное собрание, приуроченное ко дню рождения пророка Мухаммада или к другим важным общественным и семейным событиям. В рамках нетрадиционного ислама считается недопустимым нововведением и не практикуется.

ждалось с дагестанскими мусульманами, получившими хорошее исламское образование. Использование термина «нетрадиционные мусульмане» связано с тем, что из всех возможных вариантов (как уже указывалось выше, терминология в отношении этой группы не устоялась) этот является наименее идеологизированным и порождает наименьшие негативные коннотации.

Анализ осуществлялся двумя последовательными этапами. На первом этапе по всем вопросам была исследована простая разница между группами. В случае, если шкала, описывающая распределение ответов на исследуемый вопрос, была номинальной, сравнение осуществлялось с помощью критерия хи-квадрат[25]. Если шкала была количественной — использовался t-test и ANOVA[26]. По результатам этого сравнения была создана таблица, содержащая разницу по всем вопросам и/или концептам, в них заложенным. Для возможности генерализации с учетом разницы шкал величина различий в каждом случае не анализировалась, а анализировалось, в какой степени различия присутствуют и какая группа в какую сторону отличается (если отличается) от всех остальных. После того, как этот анализ был осуществлен, были выделены несколько вопросов, различия по которым представлялись наиболее интересными, и был проведен анализ факторов, объясняющих распределение ответов на эти вопросы методами корреляционно-регрессионного анализа[27]. По результатам этого анализа были сделаны выводы о связи тех или иных переменных с установками на оправдание насилия.

Результаты исследования: ценности дагестанских мусульман

Перед тем, как перейти к описанию различий между группами и ценностных профилей этих групп, необходимо коротко описать «точку отсчета» — результаты, которые характеризуют весь массив. Такой анализ был представлен в других публикациях[28] и вы-

25. Тест, применяемый для сравнения распределений номинальных переменных по группам

26. Тесты, применяемые для сравнения количественных переменных по группам

27. Методы, позволяющие вычислять связь между переменными — попарно (простые корреляции) и одновременно (регрессия).

28. *Стародубровская И., Лазарев Е., Варшавер Е.* Ценности дагестанских мусульман: что показал опрос // Кавказский узел [http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/itogi_oprosa_naselenia_Dagestana/ , доступ от 01.09.2017]

ступлениях[29] по результатам проекта, поэтому здесь о них будет сказано совсем немного.

Считающие себя мусульманами дагестанцы полагают, что самое главное в жизни — это семья (соответствующий вариант ответа отметило более 96% опрошенных). Второй их приоритет — это здоровье (80%). Менее важна «религия» (71%) и «работа» (63%), а свободное время не очень важно (35%). Дагестанцы в целом чувствуют себя счастливыми (85%) и защищенными (60%). Среди качеств, которые следует воспитать в детях, самые главные, с их точки зрения — это ответственность (85% отметивших), трудолюбие (82%) и терпимость (79%), а наименее важные — воображение (8%), самовыражение (26%) и послушание (25%). Промежуточные позиции вновь занимает религиозность (65%). Дагестанцы нетерпимы к наркоманам (96%), гомосексуалистам (93%) и алкоголикам (92%), зато терпимы к представителям других религий (нетерпимы 4%), национальностей (нетерпимы 1%) и рас (нетерпимы 2%). На вопрос о группах, которым участники опроса доверяю больше всего, большинство отмечает вариант ответа «всем людям, если их поступки не доказывают обратного» (51%), на втором месте — вариант ответа «родственники» (32%). Вместе с тем, поставленные перед выбором «большинству людей можно доверять или напротив нужно быть осторожными, имея дело с людьми», большинство дагестанцев отмечают второй вариант (53%). Опрошенные нами дагестанцы во многом религиозны (56% отметили, что совершают пятикратный намаз всегда, и лишь 30% не делают намаз). Подавляющее большинство респондентов считает важным получение образования — против этого выступило менее 2% опрошенных. Причем более 60% отмечает важность как религиозного, так и светского образования и лишь около 7% считает возможным ограничиться религиозным.

Респонденты не занимают четких позиций в отношении насилия. 58% считает, что, когда муж бьет жену, это никогда не оправдано, а 39% полагают, что это иногда оправдано. Лишь 28% опрошенных не могут оправдать родителей, которые бьют детей. Однако насилие в целом «никогда не оправданным» считает 71% опрошенных. Описанная выше виньетка, в которой отец убива-

29. *Исаев Т.* Итоги исследования ценностей дагестанцев вызвали дискуссию на презентации в Махачкале. // Кавказский узел. 17.11.2016 [http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/292779/, доступ от 01.09.2017].

ет оправданного судом виновника аварии, в которой погиб его сын, вызывает противоречивые оценки — 50% одобряет поведение героя виньетки, а 50% не одобряет. Кроме того, зафиксировано несогласие по гендерным вопросам. Пополам поделились те, кто считает, что ситуация, в которой жена зарабатывает больше мужа, вызовет проблемы, и те, кто полагает, что в этом нет ничего страшного. Такое же соотношение между теми, кто считает, что у мужчин должно быть больше прав на рабочие места в случае их недостатка, чем у женщин, и теми, кто так не считает. Таковы основные результаты по наиболее релевантным для дальнейшего анализа вопросам.

Как различаются между собой группы, выделенные сообразно принципам, заданным в методологии? Ниже представлены ценностные профили каждой группы.

Суфии — высоко религиозны, и ценность религии для них, как и для нетрадиционных мусульман, является ключевой. Этим данные группы отличаются от традиционалистов и секулярных. Суфии консервативны в части ценностей и установок, связанных с гендерными отношениями (гомосексуализм, разводы, образование для женщин), однако уступают в консервативности нетрадиционным.

Вместе с этим, существует ряд позиций, которые характеризуют только суфиев и отличают их от прочих групп. Прежде всего, среди представителей этой группы сильнее, чем в среднем, выражена установка на покорность и доверие авторитетам. В детях суфиям чаще, чем другим, важно взрастить послушание и реже, чем другим — независимость. В религиозных вопросах они больше других полагаются на имамов мечетей и своих духовных наставников, а в случае, если в конфликтной ситуации имам принял решение в пользу своего родственника, суфии чаще других полагают, что с этим решением необходимо согласиться. Они меньше других ценят инициативность и решительность, а также предпочитают не рисковать в карьерных вопросах. Вместе с тем, они значительно больше доверяют — всем людям, землякам, представителям своей национальности — и чувствуют себя, в целом, более защищенными в сравнении с представителями других групп. И, демонстрируя средние значения поддержки домашнего насилия, суфии выступают против насильственного разрешение конфликтов в обществе — они реже поддерживают самосуд и чаще не поддерживают «насилие против других людей». Нельзя сказать, что суфии против участия в политике

и протестной активности — скорее, за исключением более частной неготовности участвовать в подписании петиций и бойкотах, их показатели не отличаются от показателей других групп. Можно, однако, говорить о том, что среди прочих групп суфии — самые счастливые.

Нетрадиционные мусульмане также более двух оставшихся групп считают религию важной жизненной ценностью, однако их религиозность имеет иные основания, чем у суфиев. В частности, отличается система апелляции к авторитетам: когда суфий обращается к духовному наставнику или имаму, нетрадиционный мусульманин скорее идет к более знающему знакомому или же заходит в интернет, где — на разных сайтах — консультируется по интересующим его вопросам. Отличаются — и это различие имеет догматическое происхождение — некоторые установки и практики: нетрадиционные мусульмане полагают, что можно читать Коран в переводе на русский, а суфии считают, что следует обращаться только к пересказам или к арабскому оригиналу.

Есть также ряд ценностных ориентиров, которые отличают нетрадиционных мусульман от представителей всех остальных групп. Нетрадиционные являются наиболее консервативной группой в части гендерных установок. Во всех вопросах и виньетках, так или иначе поднимающих эту тему, нетрадиционные мусульмане демонстрируют максимальное среди исследуемых групп несогласие с гендерным равноправием, а также правом женщины работать или получать профессиональное образование. Нетрадиционные меньше всех доверяют окружающим — родственникам, коллегам по работе, землякам, людям своей национальности и в принципе всем людям, кроме единоверцев. Единоверцы для них чаще, чем для других групп, предстают «последним бастионом». Они чаще выступают против браков с представителями других религий и, одновременно, в большей степени поддерживают браки между мусульманами разной национальности. Кроме того, в виньетке про необходимость разделить деньги от благотворительности между беженцами из Сирии и Украины они чаще выбирают вариант «отдать все беженцам из Сирии».

Менее всех чувствуя себя защищенными, нетрадиционные мусульмане, во-первых, чаще других поддерживают институты параллельного — религиозного — правосудия (наряду с суфиями), а также — насилие: как семейное (муж бьет жену), так и в прин-

ципе насилие против других людей (хотя и в этой группе доля никогда не оправдывающих насилие превышает 60%). Именно они (наряду с секулярными) чаще других допускают самосуд в ситуации несправедливого судебного решения. Они — против несправедливости, однако способы разрешения конфликтов нетрадиционные мусульмане видят вне публичного поля; например, закрытие рынка, где торгует герой одной из виньеток, требует контрмер, но эти меры состоят в привлечении личных связей. С государством нетрадиционные мусульмане чаще других пытаются находиться в «параллельных мирах» — реже разделяют экономический рост и усиление обороноспособности страны в качестве целей на национальном уровне; не считают, что законы государства надо исполнять, если не согласен с ними; не хотят участвовать в электоральной политике ни как избиратель, ни как баллотирующийся, а в качестве способа отстаивать права чаще других выбирают бойкот (пассивное средство) и реже других — демонстрацию (активное средство). Кроме того, чаще других нетрадиционные мусульмане считают, что получение государственных пособий, на которые у человека нет прав, и неуплата налогов — это нормально.

При этом они реже других соглашаются с тем, что ислам должен быть вне политики. Кроме того, они реже других поддерживают точку зрения, согласно которой люди должны выбирать политических лидеров на свободных, честных выборах, хотя и среди них доля поддерживающих этот тезис составляет 83%. У нетрадиционных мусульман есть и другая интересная особенность — они чаще других групп не считают работу и карьеру чем-то важным, предпочитая «не переусердствовать» при подготовке к интервью на высокооплачиваемом рабочем месте, а также чаще поддерживая точку зрения, согласно которой работать надо как можно меньше. В то же время они настроены на карьерный рост и продвижение, даже если это вызывает в их жизни существенные неудобства.

Секулярные — как следует из названия — отличаются от прочих групп более низкой важностью религиозности и, как следствие, мягкостью внутрирелигиозных установок. Мечеть, в отличие как от суфиев, так и от нетрадиционных мусульман, они выбирают исходя из того, куда им удобнее добираться, а также, если спор разрешался имамом, оказавшимся родственником оппонента героя, чаще либо советуют не подчиняться решению, либо не имеют по этому поводу точки зрения. Они реже ходят

в мечеть и реже постятся на уразу. И они чаще считают, что ислам должен быть вне политики.

Вместе с этим, секулярные существенно отличаются от прочих групп и на уровне ценностей и установок. В частности, они чаще всех других нацелены на творческую самореализацию — в работе для них чаще важно получение удовольствия в процессе (и работа как таковая важна чаще), а в детях они в большей мере хотели бы взрастить воображение, самовыражение (однако также бережливость и решительность), а кроме того — независимость. Независимость и свобода, в целом, характеризуют их ценностный ряд. Они реже представителей других групп высказываются против жизни рядом с гомосексуалистами и незарегистрированными парами; они чаще считают, что можно оправдать гомосексуализм, аборт, проституцию, развод, сексуальные отношения до брака, а также самоубийство (но и получение взяток, используя служебное положение); они чаще выступают за равноправие женщин в работе и учебе, а также за их возможности самостоятельно искать мужа. Они ценят светское образование и науку больше остальных. Они выступают за универсализм — поддерживают чаще других равное распределение денег на благотворительность между мусульманами и немусульманами, а также чаще других поддерживают межрелигиозные браки.

Одновременно с этим, они, как и нетрадиционные мусульмане (хотя и в меньшей степени), не доверяют окружающим их людям (правда «набор» групп, которым они меньше доверяют, немного отличается — в их случае это единоверцы, родственники, земляки и люди своей национальности), а также чаще других оправдывают самосуд, хотя, в целом, насилие не поддерживают — выступают против домашнего насилия и занимают промежуточные позиции по «насилию против других людей». В части отношений с государством и публичной сферой их позиция неоднозначная и противоречивая — например, они чаще выступают против неформальных отношений с госорганами, но, одновременно, реже высказываются против взяточничества. Они не демократичнее других — не отличаются от остальных в распределении ответов на вопросы о необходимости выборов и о личном участии в электоральных процессах. Вместе с тем, в публичных протестах они видят смысл участвовать чуть чаще других. И — они наименее счастливые из всех четырех групп.

Четвертая группа — традиционные — занимают промежуточную позицию по большинству вопросов. В случае, если их пози-

ции являются крайними, они оказываются с краю наряду с одной из групп — либо с секулярными, разделяя с ними часть антиконсервативных (гендерный вопрос, универсализм) установок, либо с суфиями, сходясь с ними по части доверия тем или иным группам, а также включенности в традиционные иерархии. Реже позиции совпадают с нетрадиционными мусульманами. Эти две группы чаще других прибегают к интернет источникам, когда хотят найти ответ на тот или иной вопрос, а также в некоторых ситуациях чаще других готовы решать проблемы, задействуя личные связи. Ценностей, которые бы отличали эту группу от всех остальных групп, зафиксировано не было.

Группы, таким образом, во многом отличаются. Вместе с этим, есть ряд ценностей и установок, в отношении которых между группами отличий не зафиксировано. Нет различий в общей толерантности к таким «чужакам», как люди других рас и национальностей, и нетолерантности к носителям социальных пороков — наркоманам. Нет различий в важности семьи и здоровья. Есть консенсус в отношении таких нарушений порядка, как проезд без билета в транспорте, а также кража чужой собственности. Кроме того группы в целом не отличаются в части отношения к некоторым модусам участия в общественной жизни (благоустройство, петиции главе республики, борьба за гражданские права).

Были, кроме того, зафиксированы пересечения между группами в части ценностей и установок (см. таблицу 2). Эти пересечения были частью ожидаемы, частью неожиданными. Суфии и нетрадиционные мусульмане оказались сходны в части ценности религии как таковой, но также и религиозной идеологизированности — так, им, в отличие от прочих дагестанцев, важно идеологическое направление, которого придерживается имам мечети, куда они ходят на джума-намаз. Кроме того, представителям обеих этих групп в большей степени, чем всем прочим, свойственна консервативность в гендерном вопросе — они чаще считают, что работа и учеба приоритетна для мужчин. Между суфиями и секулярными, за исключением вопросов, где нет различий между большинством дагестанцев, сходств не зафиксировано, более того, по значительной части вопросов они находятся в противофазе. Сходства между нетрадиционными и секулярными проходят по трем линиям. Прежде всего, это недоверие различным группам в обществе, к которым они имеют отношение — родственникам, землякам, представителям их национальности. Во-вторых, это поддержка насилия в случае, если государство от-

казывается осуществлять функцию поддержания справедливости. В-третьих, это индивидуализм и готовность к риску в карьерных вопросах.

Таблица 2: Сходство между группами

Пары групп	Сходство
Суфии — нетрадиционные	Религиозность, религиозная идеологизированность, консервативность в гендерном вопросе,
Суфии — секулярные	-
Нетрадиционные — секулярные	Поддержка самосуда, недоверие разным группам, в которые они входят, индивидуализм в карьере

Таким образом, можно говорить о том, что, как минимум, три из четырех выделенных групп — суфии, нетрадиционные и секулярные — действительно обладают ценностным профилем, который отличает их от представителей других групп. Для суфиев свойствен конформизм, они хорошо вписаны в существующие общественные отношения и чувствуют себя защищенными и счастливыми. Нетрадиционные мусульмане консервативны и, не доверяя людям вокруг, предпочитают жить в «параллельном обществе», частью на основе шариата, частью — самостоятельного поддержания справедливости. В том числе с помощью насилия, в отношении которого они не испытывают сильных предубеждений. Секулярные — тяготеют к либеральным ценностям: они толерантны к группам, к которым остальные дагестанцы нетолерантны, они выступают за гендерное равенство, но — они, как и нетрадиционные, не доверяют людям и, вероятно, институтам, и, будучи против насилия, не порицают насильственное поддержание справедливости. Они чувствуют себя незащищенными и — наименее счастливыми.

Результаты исследования: оправдание насилия

На основе вышесказанного представляется, что именно ось религиозность — счастье — защищенность — доверие — насилие явля-

ется ключевой для понимания различий между группами. В последующем анализе произведена попытка выявить связи между этими переменными, которые характеризуют дагестанское общество, и объяснить, почему одни поддерживают и оправдывают насилие, а другие — нет.

В целом вопрос для этого этапа анализа можно сформулировать следующим образом: с какими факторами связаны установки на насилие? Можно также выделить две общие гипотезы. Согласно первой, установка на насилие является функцией от религиозности и принадлежности к той или иной религиозной группе (в данном случае — к нетрадиционным мусульманам). Согласно второй, установка на насилие связана в первую очередь с факторами среды и самоощущения мусульманина — тем, насколько он защищен, насколько он может доверять окружающим и, в конечном счете, насколько он счастлив. В качестве зависимых переменных, таким образом, были выбраны те, которые описывают установки на насилие — «оправдание насилия в целом» и «оправдание мести». Последняя переменная была создана на основе виньетки, в которой после несправедливого суда отец погибшего в ДТП убил виновника аварии. Среди прочих именно эти переменные были выбраны в связи с тем, что одна из них (оправдание насилия в целом) в большей степени описывает элемент мировоззрения человека, а другая (оправдание мести) описывает более практически-ориентированные установки.

В предварительный корреляционный анализ были введены переменные, характеризующие степень религиозности респондентов, их религиозную принадлежность, уровень обобщенного доверия, защищенности и счастья, а также описывающие их социально-демографические характеристики (возраст, пол, уровень образования, уровень образования родителей). В таблице 3 представлены простые[30] корреляции между основными переменными.

30. Метод корреляционного анализа — корреляция Пирсона, в т. ч. и для бинарных переменных в связи с тем, что за бинарными переменными в измерении установки предполагаются континуумы.

Таблица 3: Корреляты оправдания насилия[31]

Корреляции			
		Оправдание насилия в целом (1 максимальное неоправдание, 4 максимальное оправдание)	Оправдание мести (1 максимальное неоправдание, 4 максимальное оправдание)
Пол	1 — м, 2 — ж	-0,173*** (1580)[33]	-,097** (1355)
Возраст	Шкала (18 — 76 лет)	-0,049** (1542)	-0,023 (1322)
Какой у Вас уровень светского образования	1 —начальное, 2 — среднее, 3 — среднее профессиональное, 4 — высшее	0,071** (1583)	0,002 (1356)
У ваших родителей есть высшее образование	1 — есть у обоих, 2 — есть у одного, 3 — нет ни у кого	-0,080*** (1577)	-0,04 (1351)
Делаете ли Вы пятикратный намаз	1 — всегда, 2 — иногда, 3 — никогда	0,043 (1656)	0,088** (1421)
Суфии против нетрадиционных	1 — суфии, 2 — нетрадиционные	0,181*** (814)	0,154** (685)
Нетрадиционные против всех остальных	1 — нетрадиционные, 2 — все остальные	-0,113*** (1646)	-0,071** (1408)
Счастливы ли Вы	1 — полностью счастлив, 4 — полностью несчастлив	0,084** (1649)	0,139** (1415)
Чувствуете ли Вы себя защищенным	1 — да 4 — нет	0,041 (1652)	0,148** (1419)
Большинству людей можно доверять или нужно быть осторожным	1 можно доверять, 0 — нужно быть осторожным	-0,052* (1531)	-0,099** (1324)
Всем людям, если их поступки не доказывают, что они не достойны доверия	1 — да, 0 — нет	-0,054* (1646)	-0,089** (1414)

31. Здесь и далее * — связь значима на уровне 0,05, ** связь значима на уровне 0,01, *** связь значима на уровне 0,001, в скобках приведено значение N.

Согласно результатам этого анализа, женщины реже, чем мужчины, оправдывают насилие, однако связь между оправданием насилия в целом и полом сильнее, чем между этой же переменной и оправданием мести. Есть связь между возрастом и оправданием насилия: чем старше человек, тем реже он оправдывает насилие в целом; однако связи между возрастом и оправданием мести не зафиксировано. Нет связи между оправданием мести и уровнем образования — респондентов и их родителей. Вместе с этим, поддержка насилия в целом с уровнем образования связана, и связь эта неожиданна — чем выше соответствующий показатель у респондента и у его родителей, тем вероятнее, что он будет, в целом, поддерживать насилие.

Уровень религиозности связан с оправданием мести. С насилием в целом эта переменная не связана. Как уже было показано, есть связь между принадлежностью к тем или иным религиозным группам и оправданием насилия. Нетрадиционные мусульмане оправдывают насилие чаще суфиев и чаще всех религиозных групп вместе взятых. При этом суфии ближе к нетрадиционным в части мести и дальше от них в части оправдания насилия в целом.

Играет роль уровень счастья: чем счастливее человек и чем более он защищен (между этими переменными зафиксирована сильная связь), тем реже он поддерживает самосуд. Что же касается насилия в целом, оно связано только с уровнем счастья, а с чувством защищенности — нет. Кроме того, есть негативная связь между оправданием обоих типов насилия и показателями обобщенного доверия.

На основании этого анализа, таким образом, можно предположить, что если оправдание насилия в целом связано в большей степени с социально-демографическими характеристиками и принадлежностью к тем или иным религиозным группам, то установки на восстановление справедливости — функция от общественных отношений, в которые включен респондент, и его мироощущения. Для проверки этой гипотезы и гипотез, сформулированных выше, был осуществлен регрессионный анализ. Ниже представлены два набора моделей, призванных объяснить распределение ответов на вопросы об оправдании насилия в целом и мести, соответственно.

Таблица 4: Регрессионный анализ[32] оправдания насилия в целом

Значимость модели	R2	Принадлежность к нетрадиционным мусульманам	Чувство защищенности	Уровень счастья	Обобщенное доверие	Религиозность (5-кратный намаз)	Уровень образования родителей	Уровень образования	Возраст	Пол	
											Модель 1
>0,0001	0,044								-0,044	-0,177***	
>0,0001	0,034						-0,072**	0,063*	-0,031	-0,179***	Модель 2
>0,0001	0,052					0,090***	-0,065*	0,059*	-0,053*	-0,197***	Модель 3
>0,0001	0,056				-0,018	0,078**	-0,059*	0,071***	-0,050.	-0,207***	Модель 4
>0,0001	0,059			0,091***		0,077**	-0,072**	0,063*	-0,065*	-0,204***	Модель 5
>0,0001	0,054		0,045			0,086***	-0,065*	0,059*	-0,063*	-0,019***	Модель 6
>0,0001	0,060		0,012	0,086**		0,078**	-0,071**	0,063*	-0,069*	-0,205***	Модель 7
>0,0001	0,069	-0,139***				0,140***	-0,060*	0,055*	-0,037	-0,200***	Модель 8
>0,0001	0,075	-0,142***		0,093***		0,117***	0,071**	0,071**	-0,076**	-0,234***	Модель 9
>0,0001	0,076	-0,155***	0,013	0,085**		0,129***	-0,066*	0,060*	-0,048	-0,208***	Модель 10

Зависимая переменная: оправдание мести

32. Все регрессионные модели выполнены с помощью метода OLS-регрессии, для чего принято допущение о равенстве интервалов между значениями зависимых переменных.

Первый набор моделей описывает факторы, связанные с оправданием насилия в целом. Наибольшей объяснительной силой обладает пол. Возраст значим лишь в части моделей. Играет роль религиозность — чем чаще человек делает намаз, тем более он склонен оправдывать насилие в целом. Ограниченную роль играют факторы среды и мироощущения — если уровень обобщенного доверия и ощущение защищенности при учете социально-демографических характеристик и характеристик религиозности респондента не значимы, уровень счастья в рамках этого набора моделей оказывается значим в сочетании с любыми переменными.

Большое значение для проверки гипотез о факторах оправдания насилия имеет включение в набор моделей принадлежности к религиозной группе «нетрадиционные мусульмане». Если объяснительная сила модели увеличивается, а факторы среды и мироощущения (доверие, счастье, защищенность) перестают быть значимыми, это означает, что сама по себе принадлежность к нетрадиционным мусульманам объясняет распределение этих переменных, а, кроме того, в этой переменной содержится еще что-то, что также объясняет оправдание повседневного насилия. Например — те или иные нормы или настроения, сложившиеся в этом сообществе. Если принадлежность к нетрадиционным мусульманам окажется не значима, а значимость социально-демографических характеристик респондентов и факторов среды сохранится, можно говорить о том, что соответствующее отношение к проблеме не имеет связи с религиозной принадлежностью *per se*. Если значимы все наборы факторов, можно сделать вывод, что свою роль в определении отношения к насилию играют все они в разной степени.

В данном случае (модели 9 и 10) объяснительная сила принадлежности к нетрадиционным мусульманам оказывается больше, чем у факторов среды, но меньше, чем у социально-демографических переменных. В модели 10, куда включены как принадлежность к нетрадиционным мусульманам, так и счастье и защищенность, счастье оказывается значимым, а защищенность — нет. Таким образом, можно говорить о том, что в формировании установки на насилие факторы среды и мироощущения некоторым образом важны, но важнее — принадлежность к религиозной группе «нетрадиционные мусульмане». Коэффициент детерминации финальной модели — 7,6%[33].

33. О больших и небольших значениях R2 см.: Frost, J. (2013) “Regression Analysis: How Do I Interpret R-squared and Assess the Goodness-of-Fit?”, *The Minitab Blog*.

Обобщая, можно сказать, что с оправданием насилия в целом, согласно этому анализу, связаны два блока переменных — социально-демографические и связанные с религиозной принадлежностью. Отдельный значимый фактор — уровень счастья. Насилие более склонны оправдывать мужчины, молодые, молящиеся, несчастные, а также — нетрадиционные мусульмане. Факторы среды (защищенность, доверие) в этих моделях не значимы.

Второй набор моделей призван объяснить распределение ответов на виньетку, в которой отец погибшего автомобилиста убивает виновника аварии, несправедливо оправданного судом. В этом наборе моделей сохраняет значимость пол. Уровень же образования — респондента и его родителей — теряет объяснительную силу. Кроме того, сохраняет значимость переменная «религиозность». Вместе с этим, и это отличает данный набор моделей от двух предыдущих, на первые роли в объяснении поддержки самосуда выходят факторы среды и самоощущения. Счастье, защищенность и доверие в этих моделях оказываются значимы как по отдельности (будучи проконтролированными по полу и религиозности), так и все вместе, в последнем случае прибавляя около 3% объяснительной силе модели. На фоне этого теряется важность принадлежности к группе «нетрадиционные мусульмане». Эта переменная значима, однако, во-первых, сила связи снижается, если проконтролировать ее по факторам среды, а во-вторых, к объяснительной силе модели эта переменная прибавляет около 0,5%. На этом основании можно утверждать, что в объяснении поддержки самосуда такие факторы, как доверие, защищенность и счастье, выходят на первый план, оттесняя как религиозность, так и принадлежность к религиозной группе «нетрадиционные».

Таким образом, на основании приведенных моделей можно говорить о том, что оправдание насилия связано со следующим набором факторов. Во-первых, это социально-демографические характеристики. Женщины, в целом, менее склонны оправдывать насилие, чем мужчины. Кроме того, более высокий уровень человеческого капитала (уровень образования респондента и его родителей) связан с большей поддержкой насилия в целом. Второй блок факторов включает характеристики социальной среды и личного мироощущения. Характеристика, сильнее всего «спасающая»

30.05.2013. [http://blog.minitab.com/blog/adventures-in-statistics-2/regression-analysis-how-do-i-interpret-r-squared-and-assess-the-goodness-of-fit, доступ от 01.09.2017], а также Abelson, R. P. (1985) "A Variance Explanation Paradox: When a Little Is a Lot", *Psychological Bulletin* 97(1):129.

Таблица 5: Регрессионный анализ оправдания мести

Зависимая переменная: оправдание мести	Значимость модели	R2	Принадлежность к нетрадиционным мусульманам	Чувство защищенности	Уровень счастья	Обобщенное доверие	Религиозность (5-кратный намаз	Уровень образования родителей	Уровень образования	Возраст	Пол	
	>0,0001	0,012								-0,021	-0,105***	Модель 1
	>0,0001	0,012						0-,046	-0,005		-0,099***	Модель 2
	>0,0001	0,021					0,110***				-0,121***	Модель 3
	>0,0001	0,027					0,101***				0,112***	Модель 4
	>0,0001	0,038			0,135***	-0,096**	0,087**				-0,124***	Модель 5
	>0,0001	0,040		0,139***			0,089**				-0,115***	Модель 6
	>0,0001	0,047		0,103***	0,094**		0,078**				-0,118***	Модель 7
	>0,0001	0,048		0,086**	0,091**	-0,073**	0,073*				-0,111***	Модель 8
	>0,0001	0,032	-0,113***				0,155***				-0,124***	Модель 9
	>0,0001	0,053	-0,075*	0,081**	0,083**	-0,071*	0,105**				-0,114***	Модель 10

от оправдания насилия — это уровень счастья. Чем счастливее человек, тем менее вероятно, что он будет оправдывать насилие. Большую или меньшую роль играют также такие факторы, как чувство

защищенности и доверие — более высокие показатели по этим переменным связаны с более низкими показателями по поддержке мести. Кроме того — и сила этой связи относительно высока — с поддержкой насилия позитивно связан одновременно уровень религиозности как таковой и принадлежность к религиозной группе «нетрадиционные мусульмане». Удельный вес каждого фактора разнится в зависимости от объясняемой переменной. Однако, если в объяснении насилия в целом на первый план выходят социально-демографические характеристики респондента, а также принадлежность к религиозной группе «нетрадиционные», а факторы среды (защищенность, доверие) уходят на второй план, в оправдании мести, когда иным образом справедливости добиться невозможно, вклад факторов среды и мироощущения оказывается решающим.

В целом же можно говорить о том, что, наряду с социально-демографическими характеристиками, в формировании отношения дагестанца к насилию участвует как его опыт и мироощущение, так и религиозные круги, к которым он относится. Одно накладывается на другое, но не в полной мере, и, в результате, хотя в целом нетрадиционные чувствуют себя менее защищенными, чем в среднем, принадлежностью к этой группе распределение переменной «чувство защищенности» объяснить нельзя (хотя бы потому, что другой наименее защищенной группой, согласно самоощущению, будет группа секулярные), а значит, ощущение незащищенности в дагестанском обществе складывается иначе, чем только через принадлежность к кругам нетрадиционных мусульман. В свою очередь, в этих кругах есть что-то, что само по себе (помимо ощущения незащищенности) связано с более высоким уровнем поддержки насилия. Эти факторы можно искать как в содержании религиозных догматов, разделяемых членами группы, так и в циркулирующих в этих кругах интерпретациях индивидуального и коллективного опыта их участников или событий, напрямую с ними не связанных (например, войны в Сирии). Очевидно, однако, что исчерпывающее объяснение оправдания насилия следует искать на пересечении и во взаимодействии указанных факторов и факторов, не вошедших в анализ, в свете лимитированности объясняющих переменных.

Заключение

Подведем основные итоги проведенного исследования.

Во-первых, в зависимости от характера религиозных взглядов были выделены четыре группы дагестанских мусульман — суфии,

нетрадиционные, секулярные и традиционные. Был осуществлен анализ ценностных различий между этими группами. Выяснилось, что группы различаются по большинству вопросов и что для каждой группы, за исключением традиционных (которые в своих установках частично находятся на шкале между установками других групп, а частью «повторяют» установки разных групп), можно создать ценностный профиль.

Так, суфии религиозны, являются приверженцами покорности в качестве основы поведения, выступают против насилия и конфликтов в обществе, консервативны в части гендерных вопросов доверяют окружающим и чувствуют себя защищенными. Суфии, кроме того, в среднем счастливее представителей прочих групп.

Нетрадиционные мусульмане — тоже религиозны, в гендерных вопросах они еще консервативнее суфиев, их идентичность в первую очередь связана с исламом, от остальных групп они дистанцируются, а также пытаются жить в «параллельных мирах» с государством. Они чаще других поддерживают насилие: как в целом, так и связанное с местью в ситуации несправедливости. Одновременно с этим они чаще поддерживают параллельные институты справедливости — например, разрешение споров у имама. Кроме того, эта группа наименьшим образом ценит в жизни работу, хотя и настроена на карьерное продвижение.

Секулярные больше других выражают установки на независимость и самореализацию. В работе для них важно, чтобы она приносила удовольствие, в гендерных вопросах они выступают за равноправие и свободу для женщин, кроме того они — сторонники универсалистских ценностей и идентичностей. Вместе с этим, они, как и нетрадиционные мусульмане, чувствуют себя незащищенными и полагают, что, если общественные институты не справляются с поддержанием справедливости, насилие — способ ее восстановления. Секулярные наименее счастливые из всех групп.

Во-вторых, к основным факторам, определяющим отношение к насилию, можно отнести:

- социально-демографические характеристики респондентов, прежде всего пол — женщины значительно реже оправдывают насилие;
- религиозность: чем религиознее респондент, тем вероятнее, что он будет оправдывать насилие;
- факторы среды и самоощущения: чем защищеннее респондент, чем больше он доверяет окружающим и, главное, чем

он счастливее, тем ниже вероятность, что он будет оправдывать насилие;
- принадлежность к религиозной группе «нетрадиционные»: нетрадиционные мусульмане чаще всех других оправдывают насилие.

При этом, если за оправдание насилия в целом в большей мере «ответственна» принадлежность к религиозной группе «нетрадиционные», то за оправдание мести в ситуации атрофии государственных институтов справедливости в большей мере ответственны факторы среды и самоощущения.

Вместе с тем, все типы насилия в совокупности наилучшим образом объясняются всеми указанными факторами в совокупности. Одновременно, однако, следует отметить, что низкий коэффициент детерминации ограничивает надежность этих результатов и требует лучших моделей объяснения оправдания насилия в дагестанском обществе.

Очевидно, проведенное исследование не дает окончательный ответ на вопрос, чем определяются установки на оправдание насилия среди дагестанских мусульман, однако предоставляет богатую пищу для размышлений на эту тему. Причем размышлений, связанных с ключевыми вопросами дискуссий о соотношении ислама и насилия. Известно, что некоторые исследователи связывают насильственный потенциал с содержанием ислама как такового либо отдельных его направлений. Другие же считают, что радикальный ислам выступает формой протестной идеологии, сами же корни протеста необходимо искать за пределами ислама, в социальной реальности[34]. На Северном Кавказе вообще популярна точка зрения, что для совершения насильственных действий мусульман «зомбируют», «программируют». Вносят ли результаты опроса дагестанских мусульман какую-либо дополнительную ясность в эти вопросы?

Для начала необходимо подчеркнуть, что вопросы о насилии — «оправдание насилия в целом», с одной стороны, и «оправдание мести», с другой, — имеют одно существенное отличие. В первом случае респондент должен декларировать свои общие установки, во втором (в случае виньетки) — дать оценку конкретной ситуации насильственных действий. Заметим, что в первом блоке фактор религиозности играет более серьезную объяснительную роль, чем во втором. В какой-то мере это можно интерпретировать ис-

34. Наиболее известна дискуссия на эту тему между Жилем Кепелем и Оливье Руа.

ходя из того, что часть практикующих мусульман не может полностью отрицать насилие в том случае, если возможность насильственных действий признается в Коране и Сунне. С подобной гипотезой вполне согласуется более значимая установка на насилие среди нетрадиционных мусульман, которые склонны наиболее буквалистски понимать священные книги, а также связь установки на насилие с уровнем образования — можно предположить, что более образованные респонденты в большей мере знакомы с богословскими аспектами этой темы и готовы ориентироваться на них в своих ответах.

Остается дискуссионным вопрос, насколько из деклараций об оправдании насилия можно делать вывод о вероятности насильственных действий на практике. При обсуждении результатов исследования один из участников объяснил, что не смог признать однозначно неоправданной ситуацию, когда муж бьет жену, поскольку в Коране это считается в определенных условиях допустимым. Однако сам он никогда не поднимал руку на свою супругу и не может представить себе ситуацию, когда бы такое произошло. Аналогичные рассуждения неоднократно приходилось встречать и в ходе качественных исследований. Так что, скорее всего, хотя признание допустимости насилия на декларативном уровне и может повышать вероятность насильственных действий, отождествлять эти два процесса было бы неправильно.

В то же время наибольшая важность факторов среды при оправдании фактического насилия («оправдание мести») заставляет вспомнить позицию тех экспертов, которые говорят об особой важности не религиозных взглядов, а именно ситуации в обществе для понимания данного феномена. Дискриминация людей в зависимости от принадлежности к тем или иным религиозным течениям, силовое давление на «религиозных диссидентов» — то есть все то, что делает человека менее защищенным, менее счастливым, менее готовым доверять окружающим — очевидно, существенно влияет на готовность к насильственным действиям. И если тот факт, что более половины секулярных оправдывают самосуд, можно объяснить значительным влиянием адатов (в том числе кровной мести) на эту группу, согласие с подобными действиями, не дозволенными шариатом, со стороны почти половины принявших участие в опросе нетрадиционных мусульман гораздо более показательно. Это очень хорошо демонстрирует, что в ситуации потери доверия к официальным институтам поддер-

жания правопорядка люди готовы оправдывать даже те меры, которые не соответствуют их религиозным взглядам, если они отвечают их чувству справедливости. И именно этим, а не исламской догматикой, может объясняться их склонность к насильственным практикам.

Библиография / References

Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г. Метод виньеток в социологических исследованиях: методологические принципы и методические решения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. №. 4.

Abelson, R. P. (1985) "A Variance Explanation Paradox: When a Little Is a Lot", *Psychological Bulletin* 97(1): 129.

Alexander, C.S., Becker, H.J. (1978) "The Use of Vignettes in Survey Research", *Public Opinion Quarterly* 42(1): 93–104.

Allinsmith, B. (1948) "Religious Affiliation and Politico-Economic Attitude: A Study of Eight Major US Religious Groups", *Public Opinion Quarterly* 12(3): 377–389.

Arcia, A. (2014) "Facebook Advertisements for Inexpensive Participant Recruitment among Women in Early Pregnancy", *Health Education & Behavior* 41(3): 237–241.

Asal, V., Brown, M. (2010) "A Cross-National Exploration of the Conditions that Produce Interpersonal Violence", *Politics & Policy* 38(2): 175–192.

Glenn, N.D. (2005) *Cohort Analysis*. Vol. 5. Sage.

Head, B.F., et al. (2016) "Advertising for Cognitive Interviews: a Comparison of Facebook, Craigslist, and Snowball Recruiting", *Social Science Computer Review* 34(3): 360–377.

Hofstede, G.H. (1984) *Culture's Consequences: International Differences in Work-related Values*. Sage.

Inglehart, R. (2015) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton University Press.

Inglehart, R., Baker, W.E. (2000) "Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values", *American sociological review* 65(1): 19–51.

Inglehart, R.F. (2008) "Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006", *West european politics* 31(1–2): 130–146.

Karstedt, S. (2006) "Democracy, Values, and Violence: Paradoxes, Tensions, and Comparative Advantages of Liberal Inclusion", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 605(1): 50–81.

Kishor, S., Johnson, K. (2004) *Profiling Domestic Violence: A Multi-Country Study*. ORC Macro.

Koenig, M.A., et al. (2006) "Individual and Contextual Determinants of Domestic Violence in North India", *American Journal of Public Health* 96(1): 132–138.

Malešević, S. (2010) *The Sociology of War and Violence*. Cambridge University Press.

Parboteeah, K.P., Paik, Y., Cullen, J.B. (2009) "Religious Groups and Work Values: A Focus on Buddhism, Christianity, Hinduism, and Islam", *International Journal of Cross Cultural Management* 9(1): 51–67.

Pötzschke, S., Braun, M. (2016) "Migrant Sampling Using Facebook Advertisements: A Case Study of Polish Migrants in Four European Countries", *Social Science Computer Review* 1–21.

Puzanova, Zh.V., Tertyshnikova, A.G. (2015) "Metod vin'etok v sotsiologicheskikh issledovaniiakh: metodologicheskie printsipy i metodicheskie resheniia" ["Vignettes in sociological research: Methodological principles and methodological solutions"], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Sotsiologiia* 4.

Robertson, C.J., et al. (2001) "Beliefs about Work in the Middle East and the Convergence versus Divergence of Values", *Journal of World Business* 36(3): 223–244.

Rokeach, M. (1973) *The Nature of Human Values*. Free press.

Schwartz, S.H. (1992) "Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries", *Advances in Experimental Social Psychology* 25: 1–65.

Verkuyten, M., Yildiz, A.A. (2009) "Muslim Immigrants and Religious Group Feelings: Self-Identification and Attitudes among Sunni and Alevi Turkish-Dutch", *Ethnic and Racial Studies* 32(7): 1121–1142.

Walby, S. (2013) "Violence and Society: Introduction to an Emerging Field of Sociology", *Current Sociology* 61(2): 95–111.